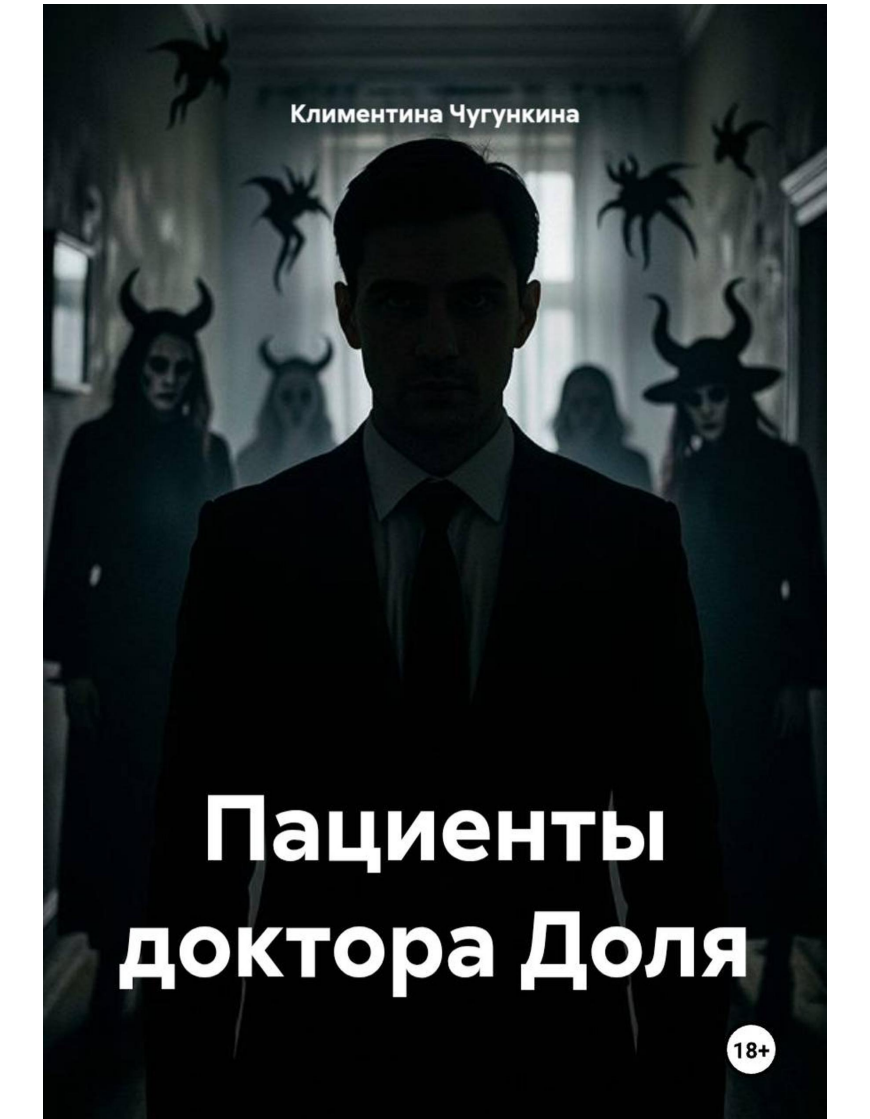

Климентина Чугункина

Пациенты доктора Доля

18+

Климентина Чугункина

Пациенты доктора Доля

<https://litres.ru/74464164>

SelfPub; 2026

Аннотация

Доктор Доля - кто он такой?

Молодой и очень привлекательный психоаналитик, внимание которого так жаждут заполучить десятки женщин, без разницы одинокие или замужние.

Или учёный, в чьей практике встречались довольно необычные случаи, о самых загадочных из которых и повествует данный сборник.

Содержание

Свекровь-ведьма	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Климентина Чугункина

Пациенты доктора Доля

Сад земных удовольствий, или Тёмные наслаждения

- Ну, что новенького за неделю? – поинтересовался я у доктора Доля, как только он присоединился ко мне в гостиной, заняв место на удобном диване напротив.

Это был моложавый мужчина, стройный, высокого роста. Я знал, что многие женщины от него без ума, но наука была его единственным увлечением, и на слабый пол он совершенно не обращал внимания. В нашей клинике пациентки постоянно признавались ему в любви, но он оставался холоден, однако даже свой отказ умудрялся облечь в форму обязательную и весьма обходительную. Доктор Доля был одним из лучших психиатров страны и специалистам по мозговым расстройствам. Он был славным малым, а для меня с самого момента нашего знакомства настоящим удовольствием стало выслушивать его истории, основанные на реальных событиях из историй болезни некоторых самых занимательных его подопечных. Единственной его не слишком-то приятной привычкой было то, что он любил, рассказывая, красоваться перед собеседником в монокле и поглядывать сквозь него несколько свысока. Как и все гениальные личности, доктор Доля был несколько эксцентричен. Тем не менее, я был рад выслушать ещё один занимательный рассказ своего колле-

ги, тем более что я уже давно его не видел, так как он брал отпуск, но не для того, чтобы отдохнуть как все нормальные люди. Нет, Долю такая мысль даже не приходила в голову. Ему нужен был отпуск, чтобы иметь возможность стажироваться у профессора Стравинского, который приехал по приглашению одного из университетов страны по соседству. Именно туда и отправился Доля и отсутствовал едва ли не месяц.

- Да, Уоллес, есть одна история, к которой я то и дело возвращаюсь в мыслях с тех самых пор, как побывал у профессора Стравинского. Но, прежде чем я начну, можете сказать мне, как вы сами относитесь к реинкарнации? Верите ли, что мы на самом деле имеем череду непрерывно сменяющихся жизней, или думаете, что это каприз подсознания, такое же пока ещё не разгаданное состояние как сон?

- У меня нет однозначного ответа, - признался я. - Я читал некоторые отчёты, в которых личности уверяли, что помнят свою прошлую жизнь, с поразительной точностью описывая некоторые даты и события, хотя в остальных вопросах истории они оставались крайне невежественны. Тут можно подумать, что кто-то специально натаскивал их по всей той тематике, которую они должны были предъявить в качестве доказательств публике или нам, докторам. Таких случаев большинство, но всё это проделки мошенников, и до тех пор, пока их не разоблачали, все эти проявления мнимой реинкарнации только вредили науке. Были и такие, кто свято верил

во всё то, о чём говорил, хотя на самом деле это оказывались просто образованнейшие или начитанные люди, подверженные различным расстройствам психики. Но всё-таки есть и считанные единицы, которые не подходят ни под категорию мошенников, ни под категорию повреждённых в уме. И вот тогда-то хочется призадуматься по-серьёзному, откуда они могли получить столь подробные сведения, как не из памяти, доставшейся в наследство от прошлых жизней? Не будем забывать, что до сих пор официальная наука отрицала существование такого явления как реинкарнация, прилагая как доказательство всю ту массу случаев, когда подтверждалось, что люди больные или с нечистой совестью таким способом только привлекали к себе всеобщее внимание. И нам с вами тоже, как представителям официальной науки, следует с особой осторожностью относиться к подобным вещам, умело отделяя крупницы истины от бреда и фантазии, потому что лишь в тех случаях, когда в человеке говорит истина, мы должны строго фиксировать её ради пользы для будущего.

Тут нам как раз принесли кофе и ликёры, и от дальнейших рассуждений я был вынужден отказаться, да и благоприятный момент появился напомнить себе, что пришёл я сюда, дабы послушать Доля, а не разглагольствовать самому. Какое-то время мы в молчании вкушали божественные напитки. В комнате было слышно только тиканье моих часов в кармане жилета.

- Я, как и вы, Уоллес, до недавнего времени тоже раздва-

ивался по теме данного вопроса, - снова заговорил мой коллега. – С одной стороны, свидетельств реинкарнации слишком уж много, да-да, именно достоверных свидетельств, на которые никак не закроешь глаза, с другой же стороны, официальная наука..., - тут он развёл руками и зыркнул на меня сквозь свой монокль. – Чего таить, все эти вещи, которые нам упорно вдалбливаются ещё со студенческих времён, лишь сдерживают наш потенциал в исследованиях неизвестного. Сколь много новых удивительных открытий мы могли бы совершить, если бы наши упёртые лбы не были приверженцами старого порядка!

Тут я не удержался и хмыкнул. Никак не ожидал, что Доль, уже получивший в столь молодом возрасте всевозможные признания от этих самых официальных кругов, в глубине души окажется самым настоящим мечтателем и фантазёром.

- Не удивляйтесь. Признаюсь по секрету, что никогда не был ярым приверженцем официальной науки. В мире существует масса непознанного, и мне больше по нраву разгадывать то, что природа старается скрыть от человека, чем действовать сухо, автоматически и по канонам тех, кто не принимает никаких сверхъестественных вещей в нашем мире. Внешне я мимикрирую, притворяясь эдаким благоразумным учёным, который не сделает и шага в сторону ненаучности, потому что в противном случае моя жизнь протекала бы отнюдь не так спокойно, и я никогда бы не добился ни одного

успеха в своих грандиозных планах, но вот наедине с собой я могу поразмышлять, пофилософствовать над тем, что понастоящему занимает мои мысли на данный момент. И, будучи на стажировке у профессора Стравинского, я получил несомненное доказательство того, что для себя выбрал правильное направление и что к истинным случаям реинкарнации следует относиться куда более серьёзно, как вы сказали, ради пользы для будущего.

- Вы расскажете мне? – устраиваясь поудобнее в кресле, поинтересовался я, скорее подзадоривая своим вопросом Доля к тому, что и так просилось у него на язык.

- Это был не первый случай, связанный с воспоминаниями о прошлой жизни, в практике профессора Стравинского. На этот раз он был заинтересован им чуть больше из-за кое-каких обстоятельств, о которых я поведаю вам позже. Девушка, типичная бретонка, семнадцати лет от роду, около полугода страдала истерическими припадками. В такие моменты она начинала крушить в доме всё подряд, после чего этот период буйства настолько истощал её силы, что она несколько последующих дней вынуждена была проводить в постели от слабости. Родители её, крайне обеспокоенные состоянием дочери, решили отвезти её в столицу и показать какому-нибудь хорошему специалисту. Там они и узнали о визите выдающегося профессора. Учтите, что все трое впервые оказались за пределами родного городишки. Для начала профессор Стравинский намеревался подвергнуть девушку

простейшему гипнозу и позволил мне находиться на сеансе. Будет лучше, если я передам эту историю словами самой де-вушки, как я их запомнил.

Я вижу себя зажиточным фермером. Мне сорок лет. У меня есть миловидная любящая жена-простушка и восемь крепеньких детей мал-мала-меньше. Мы живём в отдалённой шотландской глубинке, полностью поглощённые жизнью своего хозяйства. На дворе конец шестнадцатого столетия от Рождества Господа Бога Нашего.

Я хорошо помню тот день, когда на наш двор въехал всадник, дабы вручить мне послание от нашего землевладельца. Как и многие другие фермеры, я был неграмотен, поэтому подобные послания как раз и предназначались для таких как я. Сложенный вдвое пергамент был перевязан двумя лентами: красной и чёрной – официальными цветами лендлорда. Внутри было хорошо выполненное изображение часовни. Я прекрасно знал, что сие означает приглашение к нему в гости. Всадник передал мне на словах число и время, когда мне надлежало явиться во владения землевладельца, за сим он удалился.

Всякий в наших краях знал, что тот, кто получал подобное приглашение, отказаться от него не мог, иначе – смертный приговор. Приняв же приглашение, человек любого ранга и сословия получал шанс либо обогатиться, либо занять достойное место при свите господина. Ходили слухи, что всем

приглашённым приходится принимать участие в какой-то игре, где низшие сословия будто бы выступают в роли «мяса», а высшие – в роли охотников. Несколько лет назад на ярмарке я слышал от одного безумца о том, что правила игры будто бы таковы: кто больше убьёт, получает награду, кто выживет, будет награждён, но едва ли можно доверять словам помешанного. Никто не мог знать, что на самом деле происходит в гостях у лендлорда, ибо возвратившихся от него было немного, да и те давали какую-то страшную клятву молчать обо всём, что с ними там происходило, и, похоже, действительно боялись раскрыть рот об этом даже в присутствии одних только членов своей семьи. Лишь двое могли похвастаться тем, что покинули замок землевладельца с наградой. Я лично с ними знаком не был, но другие говорили, что одному достался аж целый мешок, набитый золотыми монетами, и это позволило ему сразу перебраться со своим семейством из нашей глухомани ближе к морю, чтобы дожить свой век в довольстве и сытости, да дочек удачно пристроить замуж, а у другого два сына получили свои приглашения в четырнадцатилетнем возрасте, и теперь якобы с горделивым видом прислуживали на соколиной охоте, щедро разодетые как благородные пажы.

Как бы то ни было, я поспешил показать письмо жене, потому что ехать нужно было на следующий день. Я откровенно рассказал ей всё, что знал, о подобных приглашениях, и супруга со слезами на глазах начала уговаривать меня отка-

заться от поездки, потому что на душе у неё возникло дурное предчувствие. На это я заявил ей, что не могу пойти против воли своего землевладельца, если она, конечно, не хочет, чтобы нас выселили. Раз лендлорд посчитал меня достойным своего дома, я должен явиться, чтобы выразить благодарность за оказанную мне честь. К тому же, напомнил я, у меня есть шанс заполучить какую-нибудь должность в его доме или при его свите для наших младших мальчиков, или получить какой-нибудь ценный дар. И, хотя мы ни в чём не нуждаемся, награда лишней не будет. И если не о себе, то хотя бы о наших детях она должна подумать, ведь в наших силах сделать их, всех восьми без исключения, будущее лучше. Но жена по-прежнему настаивала на том, чтобы я не ездил, твердя, что герцог мил и обходителен лишь внешне, а в душе он чёрствый, жестокий человек, что он рассылает подобные приглашения, дабы поиздеваться над честными тружениками. В общем, в тот день я впервые поругался с женой. Обычно она была добродушной и покладистой женщиной, и такое упрямство на этот раз с её стороны я объяснил тем, что она боится меня потерять, боится остаться вдовой, так как я был её повелителем и она во всём зависела от меня, предчувствуя, как бы чего дурного не вышло из этой поездки.

Выехал я с рассветом, пока все домашние ещё спали, на гнедой своей любимице кобылке. Тяжело было уезжать вот так: не расцеловав детей, не получив от жены на прощание ласкового слова, но я знал, что это наилучшее решение. В

противном случае супруга моя снова стала бы пытаться уговорить меня любыми способами не поезжать с визитом, чего я никак не мог, так как был всецело зависим от доброй воли нашего землевладельца. Дело было не в том, что я горел желанием ехать. Вовсе нет, мне этого как раз не хотелось. И меня не страшило, что в случае отказа я мог бы лишиться головы. Я думал только о том, что все мои восемь ребятишек могут остаться без отца или без крова, вот, что меня заботило. Дорога до замка занимала почти целый день. Я только раз сделал привал, чтобы перекусить хлебом да сыром. В этот краткий период отдыха я всё пытался понять, для чего мог понадобиться лендлорду, почему именно меня решил избрать он одним из своих гостей, но так ни до чего и не додумался.

В имение нашего землевладельца я прибыл к вечеру. Замок, в котором он проживал, выглядел неприступно и мощно; в прошлом не раз выдерживала крепость эта длительные осады. Встретили меня достаточно любезно: грум придержал поводья моей лошадки, намереваясь отвести её на конюшню, точно я был самым настоящим джентльменом, а дворовый человек отвёл меня на сторону слуг, где в общей комнате меня уже ждало угощение на накрытом столе, а в камине жарко полыхали дрова. Мне было сказано ничем не стеснять себя здесь, а в назначенный срок, когда позовёт хозяин, за нами придут. Помимо меня здесь уже было с десятков других фермеров и батраков. Я никого не знал. Пользу-

ясь случаем, мои спутники вовсю предавались праздности: кто-то играл в карты, кто-то торопливо насыщался, а один, то и дело прикладываясь к бутылке, выдавал плоские шуточки. Я подумал, что о суровости землевладельца ходят преувеличения, что он очень даже щедрый хозяин, и тоже приступил к трапезе, всё же предпочитая держаться особняком от остальных мужчин, дабы про меня господа не подумали, что я имею с их невоздержанностью нечто общее. После еды, пристроившись ближе к камину, я начал размышлять над тем, чем бы мне ещё произвести на хозяина этого дома наиболее благоприятное впечатление, и незаметно задремал.

Разбудил меня юный паж, который велел всем нам следовать за ним. Мальчонка был в одежде герцогских цветов, материя его костюма была очень добротной. Сразу захотелось, что бы и один из моих сыновей стал кем-то подобным. На дворе было светло почти как днём, стояло полнолуние. Мальчик вёл нас к часовне. Той самой, с приглашения. Во мне зародилась догадка, что верно придётся наравне со всеми участвовать во всенощной службе, что набожный хозяин приглашает к себе столько народу, чтобы всем вместе молиться, а для меня это было бы крайне нелегко в сегодняшнюю ночь, так как я встал рано и почти весь день провёл верхом.

У входа в часовню нас встретил человек в бархатном плаще, расшитом серебряными звёздами. Он и препроводил нас внутрь, указывая каждому его место. Я отметил, что почти

каждая скамья занята, и, на мой взгляд, очень многие женщины перестарались с выбором своих одеяний. Оно отнюдь не подходило для божьего дома, что говорило о том, что и остальные приглашённые тоже не имели никакого представления о том, что может ожидать их в гостях у лендлорда. А в числе его приглашённых оказались не только простолюдины. Я заметил и нескольких сквайров с супругами и даже одного очень важного господина, судя по его разодетому виду. Весь в бантах и кружеве, сидел он, задравши нос. Меня довели до первой скамьи и жестом велели сесть меж двух крестьянок, которые чрезмерно броско принарядились по случаю, дабы произвести этим впечатление на хозяина. Кивнув своим соседкам, я отметил тот факт, что в часовне царит гробовое молчание, несмотря на присутствие в ней массы людей. Все пребывали в напряжённом ожидании, и это чувствовалось. Никто не понимал, для чего его пригласили на мессу, но она непременно должна была состояться по какому-то важному поводу. Я задал себе вопрос: если нашему землевладельцу известно, для чего мы тут, зачем он тогда выставил для нас вместе с кушаньями и бутылки с выпивкой? Я тоже пил, пусть и немного. Я как раз собирался перекреститься, попросив прощения за свой невольный грех, когда трижды тихо звякнул перезвон колокольчиков.

Мы все ожидали появления священника, но на кафедру поднялся совершенно другой человек. В поразительной тишине, царящей в часовне, каждый его шаг отдавался гулким

эхом, а вместе с ним пронеслось в массе и слово: «господин, господин», хотя я не был уверен, что это сам хозяин замка, так как не мог наш землевладелец одновременно иметь и сан священнослужителя. Человек этот был в длинной мантии из чёрной блестящей ткани, расшитой золотыми символами небесных светил, на лицо был низко надвинут капюшон. Он застыл у амвона с простёртыми вверх руками.

- Все вы, присутствующие здесь сегодня, - начал он громким зычным голосом, - станете свидетелями того, что ваши жалкие никчёмные жизни абсолютно ничего не значат в мире, где царствую я. Вы только пешки в празднике, который я устроил для своих соратников. Но любая пешка может стать королевой. Те из вас, которые пройдут с нами до конца сегодня, прочувствуют это на себе, ибо я не поскуплюсь вознаградить таких за поразительную жизнестойкость. Вас же, друзья мои, ждёт масса тёмных наслаждений. Итак, этап первый, после которого отсеется большинство. Наслаждение от убийства! Да прольётся невинная кровь! Вкушайте, срывая плоды из моего сада земных удовольствий!

Пока все мы пребывали в некотором замешательстве, раздумывая над тем, как следует относиться к его словам, в часовне возникли те, кого герцог назвал своими друзьями. Люди в блестящих балахонах и серебряных масках, с арбалетами в руках, заняли все проходы. Поначалу я даже толком не понял, что происходит, слыша позади себя только одни тихие вскрики, но тут вдруг мои соседки справа и слева по-

валились на плиты пола с двух сторон от меня. Я чисто инстинктивно начал склоняться к одной из упавших крестьянок, до конца не веря, что стрела, торчащая из её груди, реальна. Неожиданно я почувствовал, как ещё одна стрела пронеслась мимо моего лица, оставив неглубокую царапину, из которой тотчас выступила тёплая кровь, и воткнулась в спинку скамьи, на которой я только что сидел.

Эти изверги начали стрелять в нас, как в диких зверей, выбирая тех, кто невольно привлёк их внимание, как эти самые крестьянки своею пёстрой разодетостью, или же целясь наугад, предоставляя случаю выбирать или же не выбирать жертву вместо них самих.

Снова раздался трижды перезвон колокольчика. Арбалетчики как один опустили оружие. Я понял, что первый этап наслаждений для избранных завершён, и я не стал его жертвой. Господи, что же тогда ожидало меня впереди? Какие ужасы могли скрываться на следующих этапах, если уже сейчас обитель Господня затоплена кровью невинных?

- На этом воспоминания юной бретонки обрываются, - прервал на самом интересном месте своё повествование Доля. – Все последующие сеансы гипноза ни разу не дали столь подробного отчёта. Её подсознание выдавало лишь отдельные фрагменты того, что в шестнадцатом веке дух её был облечён плотью зажиточного фермера, проживающего в шотландской глуши.

- Вы излечили её? – уточнил я, пытаюсь скрыть, что меня разочаровало отсутствие развязки этой истории.

- От воспоминаний о прошлой жизни, о которых помнило только её внутреннее «я»?

- Нет, от приступов буйства, ведь именно из-за них всё и началось.

Доль мотнул головой утвердительно.

Понимая, что он не намерен дальше развивать ответ на мой вопрос, я сам поинтересовался:

- И что, вы обнаружили какую-либо связь приступов её гнева с этими воспоминаниями?

- Забудьте о девушке, Уоллес. Я вовсе не о ней хотел вам рассказать. Для меня в первую очередь важны только её воспоминания. Помните, я в начале предупредил вас, что ни она сама, ни её родители нигде не бывали, за исключением родных мест?

- Да. Это говорит в пользу того, что её воспоминания о Шотландии шестнадцатого века подлинны, вы это хотите мне сказать?

- А вам, конечно, непременно подавай научных доказательств. Что ж, охотно их вам предоставляю. Профессор Стравинский тоже был заинтересован в установлении истинности её воспоминаний. Он много путешествует по миру. Не только как специалист с мировым именем, но и как простой турист, любитель древностей, древних построек, особенно религиозных. Его сразу заинтересовали те слова о тёмных

наслаждениях, как только он услышал их из уст бретонки, и они не выходили у него из головы, потому что его память уже сталкивалась с чем-то подобным прежде. В следующий сеанс гипноза он попросил девушку подробно описать эту часовню, что та и сделала. Получив описание, профессор Стравинский сразу отправился звонить своему другу в Шотландию, а друзей у него, разбросанных по миру, немало. Передав ему всё, что было известно об этой самой часовне, в ответ он услышал кое-какие подробности, с которыми позднее поделился со мной, так как история эта увлекла и меня. Ещё в первый свой приезд в Шотландию профессор Стравинский столкнулся с одной местной легендой, но на тот момент она его не слишком заинтересовала, хотя в памяти отложилась. Вот для того он и звонил своему другу историку, чтобы её вспомнить и во всём разобраться.

Часовня эта, Уоллес, когда-то существовала на самом деле, и руины её можно увидеть до сих пор. Поезжайте в Шотландию в местечко Киннэрдс-Хед, дабы убедиться своими глазами. Местные жители всё ещё верят, что это нехорошее место. В шестнадцатом веке теми землями как раз владел один вельможа, который уверовал, что по природе своей воплощает собой чуть ли не абсолютную сущность зла. Он организовал нечто вроде общества, куда входили сторонники его взглядов, люди, не знающие преград своим нечистым желаниям, и время от времени они собирались и предавались всевозможным бесчинствам. Приглашали к себе различных

люди с ближайших окрестных мест и несколько дней подряд творили в замке ужасные вещи. Эти господа использовали чужую кровь, точно воду. И поныне местное население говорит о том, что подземелья под руинами часовни переполнены костями скончавшихся на тех церемониях бедолаг.

- Значит, вы, мой уважаемый коллега, действительно верите, что это дух того фермера через века воплотился в виде юной бретонки, скончавшись на вечеринке того зверюги герцога?

- Верю, да, хотя мне кажется, что такой набожный фермер не дал бы себя убить просто так. Он вполне мог до конца пройти по саду земных удовольствий. И, кстати, профессор Стравинский думает так же. Иначе как ещё объяснить столь точное совпадение реального описания часовни со словами девушки, ни разу не ночевавшей вне собственного дома? И это не единичный случай. Если в момент смерти человек испытывает какие-либо сильные эмоции, в последующей жизни он может помнить кое-что о своей прошлой. Так любовники признают друг друга, и мы говорим о таких людях, что это родственные души. Так человек не в силах дать объяснения своему страху, если что-либо с ним связанное послужило причиной его гибели в прошлой жизни, - тут Доля многозначительно на меня глянул через монокль, и я догадался, что он завёл речь о себе. Вот почему этот случай с девушкой был так близок ему.

- Если бы мы как следует занялись изучением таких вот

людей, чьи истории стопроцентно подтверждаются, - продолжил он, - мы бы поняли, что жизнь есть круг, и на самом деле не существует ни Ада, ни Рая. И подобные воспоминания никакая не память предков, не проявления малоизученной истерии, но память одной личности, души постоянной, которая меняет лишь свои физические оболочки, с целью нам – увы! – пока что не ведомой.

Свекровь-ведьма

Его жена опять проснулась от кошмара в поту и с криком, от которого пробудился и он. Кориолан фон Друттен имел совсем другие представления о медовом месяце, когда собирался жениться на своей невесте Хлое. Это должно было быть сладчайшее время, а выходило, что все две недели его молодая жена испытывала глубочайшее нервное напряжение. Ночами её мучили кошмары, поэтому днём она была вялой и усталой, но старалась крепиться ради него, никогда не отказываясь от той программы, что была запланирована ими на день, а когда он предлагал остаться им обоим на весь день в отеле, она неизменно отказывала, ссылаясь на то, что когда ещё им выпадет такое чудесное время на путешествие по разным странам. Но он-то прекрасно видел, как она утомлена этими бесконечными ночными страхами: её лицо осунулось, под глазами пролегли тёмные круги, точно она была не юной новобрачной вовсе, а молодой вдовой. Он тревожился за неё, ведь она чахла на глазах, но не подавал виду. Оба пытались сохранять видимость счастливого и благополучного медового месяца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.